

130 АВГ. 37

ПО СТОЛБЦАМ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

МХАТовцы в Париже

Задолго до начала парижских гастролей МХАТ им. Горького белогвардейская печать подняла яростный лай, распространяя грязные сплетни о театре и его актерах. Чего тут только не было! Эмигрантские листки вопили и об «искусстве, распятом большевиками», и об «агентах Коминтерна, загнивавших под актерами». Предпринимались попытки протолкнуть во французские газеты пасквильную информацию с целью скомпрометировать мхатовцев, как представителей советской культуры, в глазах французского общественного мнения. Соответствующая агитация велась и среди прихожан русской церкви на улице Дарю. Белогвардейцы угрожали враждебными выходками на спектаклях.

Провокация белых не смогла осуществиться. Она погибла в самом зародке, буквально сметенная бурей восторгов парижской публики. Прием, оказанный во Франции полпредом советского искусства, нескончаемые овации, сопровождавшие каждый спектакль, — все это дало понять белоэмигрантам, что их ставка на скандал может закончиться для них плачевно.

Для французских гастролей МХАТ были подлинным праздником. Газетные вырезки с восторженными рецензиями и отзывами, помещенными в парижской прессе, составили бы внушительный альбом. Достаточно привести несколько отрывков из высказываний парижских критиков, чтобы представить себе силу впечатления от гастролей МХАТ в Париже.

«И вот самый знаменитый из советских театров, жемчужина из жемчужин, национальная гордость, театр им. Максима Горького — в Париже, — писала «Пти паризьен». — Он приходит к нам, предшествуемый мировой репутацией... При царском режиме он часто подвергался гонениям. Когда грянула революция, театр им. Максима Горького сделался естественным выразителем новых взглядов, новых слов. Он вступил в лучший период своей жизни. Он сохранил своих старых мастеров, но присоединил к ним новых, чьи имена передаются из уст в уста: Тарасова, Еланская, Степанова, Анзюровская, Добронравов, Хмелев, Диванов, Кедров. Вся труппа, включая статистов, образует воодушевленный ансамбль, полный огня. Для советского актера нет маленькой роли. Он всегда творит».

Этот подъем, этот неугасимый творческий огонь буквально потрясли иностранных критиков, привыкших к мертвящим штампам, порожденным условиями буржуазного театра. Оценивая игру Тарасовой в «Анне Карениной», правая газета «Фигаро» не может не подчеркнуть:

«Народная артистка Алла Тарасова показывает нам Анну Каренину более

мужественную, чем мы привыкли видеть у западных артисток. Это для нас совершенно новый персонаж, полный силы и пыла. Ее успех был очень большим. Вся труппа — превосходна. В ней чувствуются дисциплина и традиции. Мизансцены постановки восхитительны».

Специалисты, люди, близкие к искусству, старались проникнуть в «тайну творчества» МХАТ, постигнуть секрет его очарования и с горечью восклицали подобно Ленорману: «Нет, это у нас невозможно!» Рядовой французский зритель с огромным увлечением убеждался в том, что «театр — это не только развлечение», что «театр заставляет о многом подумать» («Эр нувель»).

С этой точки зрения любопытно отношение французского буржуа к пьесе «Любовь Яровая». «Пари суар», давая оценку этому спектаклю, видит идею пьесы в... «конфликте двух сильных людей», каждый из которых «не хочет отказываться от своих идей».

Затушевав, извратив сущность спектакля, буржуазный критик не может не отдать дань восхищения замечательной игре артистов. О Москвине, например, он говорит: «Великий артист Москвин поднял на недостижимую высоту маленькую роль профессора Горностаева».

Буржуазная печать осталась верна себе. Она тщательно вытравляла из своих рецензий все, что могло сказать читателю о классовой природе советского искусства, о том, что успех МХАТ есть успех культуры социализма, что МХАТ неразрывно связан со всей жизнью Страны Советов. Отсюда — восторженная оценка игры актеров, работы декораторов и очень робкие, очень общие слова о причинах «подлинного триумфа советского театра», как выразилась «Эр нувель».

Только «Юманите», орган французской компартии, сказала об этом полным голосом.

В своей рецензии в «Юманите» об «Анне Карениной» Стефан Приасель пишет между прочим:

«В Москве, где женщина пользуется одинаковыми правами с мужчинами, зрители расценивают этот спектакль, как документ эпохи, которая уже незнакома большинству из них... В Париже, где Карениных, как и Бовари, легион, роман Толстого, наоборот, сохраняет всю свою актуальность. Хочется иногда, чтобы этот спектакль шел во Франции в современных костюмах».

Гастроли МХАТ в Париже прошли с выдающимся успехом. Вся печать — за исключением, конечно, самых лютых, самых реакционных фашистских листков, — признает, что спектакли советского театра в Париже свидетельствуют о могучем расцвете искусства в Советском Союзе.